

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РАЗЛИЧНЫХ УЧЕНИЧЕСКИХ КОРПОРАЦИЙ В РОССИИ XIX ВЕКА

Молодёжный жаргон – своеобразный лингвистический феномен – в настоящее время переживает период своеобразного расцвета. Расширяется сфера его употребления. Возрастает интерес исследователей к молодёжному жаргонной лексике, к особенностям её функционирования и источникам обогащения. Однако история формирования русского молодёжного жаргона (в частности, школьного) остаётся недостаточно изученной. Не описан лексико-фразеологический пласт русского языка, обязанный своим происхождением изобретательным и находчивым в своём словотворчестве школьникам XIX века, в то время как школьный жаргон той эпохи отличается богатой семантикой и существовал не только в духовных (как чаще всего отмечается в научной литературе) школах.

XIX век в истории русского языка характеризуется многочисленностью социальных типов, пестротой сословных и профессиональных диалектов, многоголосием русской речи. «В нашем обществе, – писал В.Г. Белинский, – преобладает дух разъединения: у каждого нашего сословия всё своё особенное – и платье, и манеры, и образ жизни, и даже язык. Чтобы убедиться в этом, стоит только провести вечер, на котором сошлись бы нечаянно чиновник, военный, духовный, студент, семинарист, профессор, художник, увидишь себя в таком обществе, вы можете подумать, что присутствуете при разделении языков».

Среди представителей сложившихся социальных типов XIX века – воспитанники закрытых учебных заведений. К категории своеобразных «условных» языков относил И.А. Бодуэн де Куртене «язык студентов, гимназистов, семинаристов, институток и т.д.» [Б. де Куртене И.А. 1908], т. е. язык учащихся, объединенных общими интересами и схожим времяпрепровождением внутри достаточно тесных и корпоративных сообществ.

«Школы, – пишет в своих воспоминаниях о гимназической поре (1860-х гг. XIX в.) В.Л. Дедлов, – в самом деле микрокосмы, маленькие мирки маленьких человечков, мало исследованные со стороны своей внутренней жизни. А между тем они очень интересны, эти общественные организмы ребят...» [Дедлов В.Л. 1902, с. 54].

Ограниченный круг общения, устоявшиеся порядки, а также преемственность бытовых навыков и этических норм способствовали созданию такого особого школьного мира, «микрокосма», где были в употреблении жаргонизмы, отражающие жизнь, нравы старой школы и особенности языкового творчества ее воспитанников. Но для того чтобы «услышать» жаргон прошлых веков и составить социолингвистический портрет учащихся дореволюционной России, необходимо рассмотреть «со стороны лингвистической содержательности и информативности» [Котков С.И. 1964, с. 9] целый комплекс литературных источников, воссоздающих школьный период в жизни героев.

Стремясь к верному воспроизведению действительности, рисуя правдивые речевые портреты школьников, писатели (среди которых – выпускники гимназий, духовных училищ, кадетских корпусов, пансионов, институтов и т.д.) передавали специфику речевого общения определенного ученического круга.

Так, со страниц воспоминаний А.И. Куприна, К.М. Станюковича, В.И. Даля, Д.В. Григоровича, А.Г. Витковского, Н.В. Вохина, Д. Завалишина, П.П. Карцова, А.Ф. Петрушевского и других заговорили воспитанники кадетских корпусов, где готовили для военной службы детей потомственных дворян и где большая часть мальчишеских игр, шуток сводилась к затрещинам, щелчкам, ударам. Соответственно преобладают в кадетском жаргоне слова и выражения, называющие такого рода развлечения: *кукунька* «удар в голову средним пальцем сжатого кулака», *пырье-масло* «скользящий удар от верхней части лба к затылку», *набрюшник* «удар в живот», *адская точка* «вид издевательства, когда заставляют присесть, прыгнуть вверх и опуститься, не покачнувшись», *горчишник* «удар ладонью по спине». «*Старые кадеты*» – те, которые отличались как внешне (костюмом, походкой, грубыми манерами), так и внутренне (неукротимостью характера, решимостью, резкостью) имели признанное всеми право испытывать *рябцев* (новичков), то есть, по местному выражению, *стариковать*, могли *покормить* новичка «*маслянками*» и «*орехами*», «*показать ему Москву*» или *квартиры докторов «ай» и «ой»*, «*загнуть салазки*», «*пустить дым из глаз*», *сделать из лица «шмон»* или «*мопси*». В кадетской среде восхищались выносливостью, смелостью, физической силой и тех, кто не боялся порки, проявлял стойкость во время наказаний, дерзил учителям, называли одобрительно *закалами*, *чугунными*, *отчаянными*.

Иной социальный тип учащихся отразили произведения бывших семинаристов В. Певницкого, П. Луппова, Н. Гилярова-Платонова, А. Воронского, Н.Г. Помяловского, А.А. Измайлова, М.Ф. Малеонского, Сычугова и других писателей, использовавших семинаризмы при описании бурсацких традиций, для передачи «местного» колорита. Сочная, выразительная, экспрессивная речь сыновей церковнослужителей (*рождество* – «лицо» (от «рожа»), *отчалый*, *отпетый*, *долбежник*, *изрезаться в клочки*, *подскули-*

ваться, анафематика) являлась своего рода протестом, маской, выражающей пренебрежительное, насмешливое, «критическое» отношение к действительности. Жизнь у воспитанников бursы была довольно суровой: основной метод воспитания – порка, и с понятием «бить», «сечь» связаны многочисленные жаргонные выражения. *Выдать горячих блинов, отмерить на фуражки, драть (сечь) под звонком, берёзовая каша, семинарская каша, берёзовый чай, берёзовая баня, драть (сечь) под колоколом, драть (сечь) под колокольчиком, секуция, лусенция, поронция, румяна.* Школьника ежедневно подвергали унижению, оскорблению, наказаниям, от этого появлялись характерные черты, которые отмечались в литературе XIX века как типично семинаристские – робость, запуганность, недоверчивость, подозрительность, угнетенность, смиренность. "Здесь, – писал бывший семинарист В. Новицкий, – получались первые задатки той забитости, какую мы встречаем в людях, называемых семинаристами, первые слои той жесткой, типичной коры, которую семинаристы долго не изнашивают и за стенами заскामейной жизни..." [Новицкий В. 1863, № 6, с.262].

Речевой портрет институток, или, как их принято было называть в то время в обществе, «кисейных барышень», эмоциональных, доверчивых, по-детски наивных, представлен в женских автобиографиях – в воспоминаниях бывших воспитанниц института благородных девиц (Е. Водовозовой, А.Н. Энгельгардт, Н.А. Лухмановой, Л.А. Чарской, А.В. Стерлиговой, Г.И. Ржевской, С.Д. Хвоцинской и др.). Их повествование насыщено яркими красками восторженной лексики (*ангел, обворожительный, амишка, обожаемый, медамочка, прелесть*), бранной (*притворяка, исподтишница, кусочница, подольстиха, синявка, отличка*). Суффиксы субъективной оценки были особо популярны в институтском обиходе: *бранчушка, подлизушка, павлушка, зеленушка, кофулька, четвертушка, пятерик* и т.п. Воспитание в институтах, по свидетельству бывших воспитанниц, «было основано больше на манерах, умение держать себя *comme il faut*, отвечать вежливо, приседать после выслушивания нотации от классной дамы или при вызове учителя, держать корпус всегда прямо, говорить только на иностранных языках» [Половцева Е.А. 1900, с. 17]. Влиянием французского языка и объясняется появление в институтском лексиконе жаргонизмов *парфетка* «прилежная» (от фр. *parfaite* – совершенная), *мовешка* «строптивая» (от фр. *mauvaise* – плохая), *амишка* «подружка» (от фр. *ami* – друг), *шиферница* «ученица, удостоенная особого знака отличия – шифра» (фр. *chiffre*).

Таким образом, речевые особенности различных ученических корпораций, проникая в ткань литературных текстов, передавали типичность ситуаций, явлений и характеров. Вводя в специальный стилистический план социально-ограниченную лексику и фразеологию, писатели тем самым отражали социальную дифференциацию русского языка и рисовали правдивые социолингвистические портреты учащейся молодёжи XIX века.